

БОКС И КАРТОШКА

В сентябре я ожидал рождения сына, и полевой сезон окончил заранее. На это время как раз выпал очередной отпуск. Все складывалось отлично, и четвертого сентября у меня родился сын. Наталья показала новорожденного из окна палаты, и я убедился, что у меня самый красивый сын на свете.

Другие отцы имели не меньше оснований считать также и стены домов напротив родильного отделения пестрели поздравлениями от счастливых молодых отцов, написанные метровыми буквами типа: «Спасибо, любимая!»

На другой день после торжественного получения сына из родильного дома меня вызвал к себе для беседы директор института Земной коры Василий Ильич Лебедев. В Ленинградском государственном университете он был знаменит не меньше чем Алексей Маресьев – летчик, Герой Советского Союза, сражавшийся без обеих ног, и во время боёв на Курской дуге сбивший 3 самолёта противника.

Василий Ильич человек удивительной героической судьбы. Он закончил рабфак, а затем геологический факультет и стал ассистентом кафедры минералогии. С первых дней Великой Отечественной войны Василий Ильич на фронте, защищал Невский пятачок, и в сорок четвертом в результате тяжелейшего ранения лишился ног. А для полевого геолога ноги это все! Но ветеран не сдался, вернулся в университет, ходил в маршруты на протезах, защитил две диссертации и стал директором Научно-исследовательского института земной коры. Шофер институтского автобуса, возивший директора в экспедиции, рассказывал мне, как профессор ходил в

маршруты на протезах, а вечером, чтобы никто не видел, обмывал окровавленные культы.

В канцелярии ученый секретарь института Ирина Михайловна Пискижова передала мне привет от Миши. Будучи студентом второго курса, я работал вместе с ее сыном Мишей на Памире в геологической экспедиции доцента Михаила Сергеевича Дюфура.

– Не знаете, зачем меня вызвали? – спросил я на всякий случай.

– Скажу по секрету, – доверительно сообщила Ирина Михайловна, – тут случился большой скандал. Василия Ильича вызывали «на ковер» в ректорат и партком. В колхоз на сельхозработы со студентами геологами первого курса послали руководителем лаборанта. А он оказался запойным и его с треском выгнали из колхоза и сразу же уволили из университета. А все преподаватели еще в экспедициях. Вот и хотят послать тебя в колхоз к студентам руководителем, но я предупредила директора, что ты находишься в отпуске.

«Мне нужен труп,

Я выбрал Вас,

С большим приветом, Фантомас»,

Вдруг почему-то вспомнилась мне школьная считалка.

Я смело зашел в кабинет директора, уверенный, что у меня достаточно веских причин отказаться от поездки в колхоз.

– Вы настоящий комсомолец? – вдруг спросил меня Василий Ильич.

– Конечно, – с гордостью ответил я.

В комсомол я вступил в двадцать три года, уже, будучи молодым специалистом, когда по распределению работал в Воркутинской геологической экспедиции. За время работы в автопраке, а потом в студенческие годы в университете меня так и не приняли в комсомол.

«Не принимали по состоянию здоровья», – объяснил я эту ситуацию в воркутинском горкоме ВЛКСМ.

Второй секретарь горкома, вручая мне комсомольский билет, сочувственно посмотрел на меня как на инвалида детства, и счел такое объяснение вполне естественным.

– Тогда, как комсомольцу, вам предстоит срочно выехать в колхоз, для руководства сельскохозяйственными работами студентов первого курса, – веско сказал Василий Ильич.

Отказываться, говорить «а почему я», ссылаться на отпуск и рождение сына, перед героем войны, который, ради жизни нашего поколения, потерял свое здоровье, было для меня невыносимо. Тем более, что объявил себя настоящим комсомольцем. В те годы почти законом было: «Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!» И я расценил слова директора как боевой приказ командира идти в смертельную атаку.

Ирина Михайловна познакомила с приказом об отзыве меня из отпуска. И с приказом ректора, в котором предписывалось отчислять студентов из строительных и сельскохозяйственных отрядов, и из университета за пьянку и драки.

Обычно в пятницу в командировки не посылали, но для меня сделали исключение.

В университетском коридоре у деканата меня остановила заместитель декана по спортивной работе Воробьева Зинаида Ивановна.

– Анатолий, я слышала ты едешь в колхоз к первокурсникам? Присмотришь там к ребятам, а то секция бокса у нас ослабла, после того, как вы с Толиком Алакиным ушли. Может, кого потренируешь? Возьми с собой боксерские перчатки.

С кафедры я позвонил отцу и предупредил его о срочной командировке в колхоз. Мы собирались вместе ехать на дачу ремонтировать сарай. Отец с пониманием отнесся к неожиданной командировке. Я рассказывал ему о Василии Ильиче, и он заочно уважал его как фронтовика и мужественного ученого.

– Раз такой человек посылает, значит, действительно надо. А сарай успеем покрыть.

Дома Наталья собрала мне в дорогу целый мешок еды, но я взял только два пирожка с капустой, о чем вскоре пожалел. Наскоро собрав рюкзак, помчался на вокзал и успел на электричку, которая приходила в Оредеж около семи часов вечера. А потом еще предстояло добраться до деревни Машковые поляны, где работали семьдесят студентов первокурсников геологического факультета.

Обычно, студенты первого курса по традиции начинали учебный год на колхозных полях. Для многих это были первые дни самостоятельной жизни без родителей. Несмотря на тяжелые условия труда, ребята пребывали в настоящем восторге. И совсем не потому, что родители были для них плохими или нелюбимыми. Просто орлята, когда чувствуют оперившимися крыльями подъемную силу горного ветра, забывают обо всем на свете, кроме неудержимого желания самостоятельно лететь в бездонном небе.

Вагон электрички был полон – народ ехал на дачи и отдыхать за город. Рядом со мной оказалась группа студентов с гитарой. С удивлением я услышал, что они поют старые студенческие песни:

«Ты уже спишь, город мой,
Улицы и скверы окутаны тьмой
Ночь царит в кварталах темных,
Ночь поэтов и влюбленных.

В ледяной Неве купается луна,
Словно матовый фонарь она,
Разлилась туманным светом,
Над гранитным парапетом.

Ночь темна, па ра ра,
Ночь темна па ра ра,
Ночь тем..на!»

По разговорам я понял, что ребята первокурсники и возвращаются на работу в колхоз после отдыха.

Под перестук колес я вдруг вспомнил, что когда поступил в университет, то нашему курсу не повезло, и вместо колхоза всех мальчиков отправили работать на завод железобетонных конструкций. Инженер по технике безопасности провел с нами инструктаж, а после него направил меня, как бывшего рабочего, в бригаду одного из цехов бетонщиком третьего разряда. В этом цеху изготавливали большие железобетонные плиты для перекрытий в домах и железнодорожных платформах. Сразу пришлось выйти в ночную смену.

В цех я пришел за полчаса до начала работы, уверенный, что бригадир подробно расскажет о моих обязанностях бетонщика. Но в раздевалке вся бригада уже переделась и собиралась приступить к работе.

На мой вопрос: «Что я должен делать?» Бригадир коротко ответил:

«Долго рассказывать. Но, ты, я вижу, парень толковый, сам все поймешь по ходу дела».

«А если что не поймешь, то наша крановщица, тебе все доходчиво объяснит, – рыжий парень хлопнул меня по плечу, и члены бригады дружно заржали, – а сейчас, быстро переодевайся, выходим».

Работа началась без пятнадцати минут двенадцать, когда предыдущая смена еще убирала стан. Грохочущая колесами балка мостового крана, управляемого Нюркой, уже неслась над закрытыми печами, высотой с двухэтажный дом, в которых при определенной температуре несколько дней выдерживались железобетонные изделия. Из потока нецензурной брани, извергаемой крановщицей, я быстро понял, что мне надо залезть наверх печей и прицепить к четырем крюкам тяжелую металлическую крышку. Под ней в дышащей жаром печи друг на друге лежали длинные формы с железобетонными изделиями. Их тоже следовало прицепить, и крановщица по очереди перенесла их на стан. Затем крышку закрыли, и я побежал на стан раскручивать замки и раскрывать формы. Но чтобы вытащить из формы бетонную плиту следовало электросваркой отрезать закладные стержни арматуры. Потом я прицеплял железобетонную плиту крюками, и поднятая под самым потолком мостовым краном, она отправлялась в другой конец цеха, где ее следовало осторожно, с деревянными прокладками, установить на железнодорожную платформу. Приходилось бежать за краном, потом обратно. При этом крановщица орала на меня благим матом, если я забывал подвесить на крюки металл для арматуры.

От жара печей и беготни по цеху я взмок и разделся по поясу. В один момент, когда маневренный локомотив вывозил платформу с готовыми изделиями, я вспомнил, что еще не курил и достал сигареты. Но порция отборного мата из подвесной будки мостового крана вернула меня к действительности, и я помчался на стан вязать арматуру в формах. В цеху стоял невероятный грохот – сразу на двух вибростолах в формы с арматурой заливался цементный раствор. Чтобы он равномерно заполнил объем, бригадир помогал еще и ручным вибратором.

Вторая половина смены оказалась не менее трудной чем первая. За всю ночь только на печи пришлось залезать около пятидесяти раз.

Я так устал, что по дороге домой уснул в автобусе и проспал свою остановку. А проснулся, когда кондуктор объявил «следующая остановка четвертый таксомоторный парк». Моя родная Автоколонна 1105 располагалась сразу за этим таксомоторным парком, и три года по утрам я выходил на этой остановке. В мозгу сработал автопилот и в привычном полусонном состоянии я вышел из автобуса в толпе шоферов и слесарей. Уже на подходе к моей бывшей работе стал приходить в себя и тут знакомый автослесарь меня окончательно разбудил:

«А ты, почему не на лекциях в университете?»

Я развернулся и отправился домой. Завалившись на диван, проспал весь день, и чуть не опоздал на вторую ночную смену. Воскресный день тоже проспал целиком, и ребятам так и не удалось вытащить меня гулять во двор. Но потом втянулся и отработал месяц. Мужики из бригады уговаривали меня бросить университет и остаться работать с ними, упирая на то, что такие деньги я смогу заработать только лет через десять. И действительно, вместе с премией, которую единогласно выделили мне в бригаде, я заработал в четыре раза больше, чем автослесарь второго разряда в автопарке. А мужиков было жалко, у всех радикулит, и теперь кому-то из них предстояло вместо меня полсотни раз в смену залезать в печь и обратно. Душа болела – как они без меня управятся?

Но управились. Зимой я встретил в трамвае одного из членов бригады, и он рассказал, что бригадир придумал и изготовил специальную люльку – подъемник. В начале смены, ее закрепляли вместе с четырьмя стропами на основном крюке мостового крана. Когда надо было прицепить или отцепить форму в печи, достаточно было

встать на площадку люльки и застегнуть страховочный пояс. И крановщица доставляла рабочего прямо в печь.

На последний рейсовый автобус от Оредежа в Машковские поляны я опоздал, он ушел два часа назад. Около десяти километров подъехал на попутной машине, а дальше пешком по грунтовой дороге.

Словно листы художественного альбома раскрывались передо мной картины природы. Дорога шла среди скошенных колхозных полей. По бокам иногда встречались небольшие рощи плакучих берез, с желтыми прядями от утренних заморозков. На горизонте вдруг появилась синяя грозная туча, медленно надвинулась, заслоняя полнеба, а затем с ворчливыми раскатами далекого грома ушла в сторону. На дороге лежал толстый слой пыли – за лето здесь не выпало ни одного дождя. Можно только представить себе в какую непролазную грязь превратятся дороги после хорошего ливня.

Студенты жили в старой деревянной школе. Когда я подошел к импровизированной столовой под навесом, меня настороженно встретили две девицы.

– Вы наш новый руководитель? – подозрительно спросила красивая блондинка, одетая в белый брючный костюм с бахромой по рукавам и лампасам брюк, как в одежде североамериканских индейцев.

Вид пыльного бородатого мужика явно не вызвал у студенток доверия. И вдруг я вспомнил, что уже видел эту девицу в брючном костюме, во время собеседования с абитуриентами в деканате. Окончив вечернюю школу рабочей молодежи, девушка уже второй раз поступала на факультет. Круглая сирота она работала в столовой и на иждивении у нее находились младший брат и пес. Я сразу проникся к ней уважением, и всем членам комиссии девушка очень понравилась.

– Поздравляю вас с поступлением, – обратился я к девицам, – а как вы сдали вступительные экзамены? –

– На одни пятёрки, – бойко и радостно ответила девица в брючном костюме.

Вторая девушка была тоже очень эффектно одета в плотно облегающее стройную фигуру трикотажное платье с широкими поперечными желтыми и черными полосами. С необычно тонкой талией она удивительно напоминала дальневосточного шершня.

– Меня зовут Лена, – представилась поперечно-полосатая девушка, – ее Алена, а Вас как зовут?

– Анатолий Михайлович. Я только два года назад факультет окончил, – зачем-то добавил я.

Сегодня я дежурила по столовой, – сообщила Лена, – ужин закончился, и дежурство приняла Алена.

– Сейчас я Вас чем-нибудь покормлю, – воодушевилась Алена, – хотите, жареную картошку со шкварками? А молока у нас – пей, сколько хочешь.

Она надела передник с аппликацией большого яркого подсолнуха на груди.

– Нравится? – спросила меня Алена, явно хвастаясь передником. – Сама шила. Вы идите, устраивайтесь к себе в учительскую, Лена покажет.

В классах старой школы на импровизированных деревянных нарах лежали матрасы. Некоторые ребята отдыхали после ужина. Одна девица играла на гитаре и тихо, но удивительно вдохновенно пела. Вокруг нее сидели ребята. Я задержался в коридоре и немного послушал.

В маленькой и неудобной учительской комнате у окна стоял небольшой стол, под ним табуретка, а у стен две железные кровати. На одной лежал матрас и старое байковое одеяло. На полу валялся какой-то мусор. Но для геолога быстро навести уют и порядок не проблема. Даже появился какой-то шарм, когда я повесил на стену две пары

боксерских перчаток. Быть может, среди студентов найдутся боксеры, и удастся кого-нибудь потренировать.

Боксом я начал заниматься еще в школе. А когда учился на младших курсах, университет арендовал зал для занятия боксом на стадионе Динамо в Приморском парке Победы. Тренировал нас заслуженный тренер СССР Григорий Филиппович Кусикьянц, воспитавший много хороших боксеров и в первую очередь Валерия Попенченко – чемпиона олимпийских игр в Токио, награжденного еще и Кубком Баркера, за самый техничный бокс.

Во время занятий универсантов в зал на тренировки иногда приходил Валерий Попенченко и нам средневесам, доставалось поработать с ним один раунд в спарринге. Я страшно гордился тем, что мне выпало счастье провести три раунда в спаррингах с олимпийским чемпионом.

Сначала я хотел выйти во двор школы в «олимпийском» спортивном костюме с перчатками, повешенными на шею, и спросить ребят: «Боксеры есть?» Но потом решил, поужинать.

Алена пожарила для меня целую сковороду картошки и налила большую кружку холодного молока. Все она делала играючи, легко и с удовольствием. Вот бы такую повариху в поле!

– Я Вас запомнила на собеседовании, – сообщила она, устроившись напротив, – а что Вы преподаете?

– Два небольших предмета для третьего курса радиоактивщиков – «Федоровский столик» и «Специальные методы минералогических исследований».

– А что это за предметы?

– Сейчас трудно объяснить, потом узнаешь.

– Я хотела записаться на физкультуру в секцию самбо, а тренер уперся и меня не берет. Спрашивает: «кто с тобой бороться будет?» Но я все равно научусь бороться.

В те годы занятия самбо для женщин не практиковались. Это был такой же нонсенс как женский бокс или футбол. Но я верил, что Алена своего добьется. И действительно. Зимой, встретив меня в университетском коридоре, она радостно сообщила:

«Тренер сказал, что сам будет со мной бороться!»

«Поздравляю. А откуда у тебя синяк под глазом».

«Я вратарь в сборной нашего факультета по футболу».

«Что, у нас есть женская сборная?» – не понял я.

«Только мужская, но мне, в виде исключения, разрешили быть вратарем, так как из ребят никто не может».

«И как на это смотрят команды соперников?»

«Каждый раз приходится договариваться, но они быстро соглашаются, наивно полагая, что женщина слабее парня. А я ни одного гола еще не пропустила!» – с гордостью сообщила девушка.

К нам подошел секретарь студенческой комсомольской организации Саша Вадило.

«Откуда у тебя синяк под глазом», – поинтересовался он у Алены.

«Это мы играли в футбол», – с гордостью ответила она.

«Пивными кружками, что ли?»

«Нахал, – обиделась Алена, – джентльмены так с женщинами не разговаривают!»

Я съел целую сковороду жареной картошки, чем порадовал повара.

– Из ребят кто-нибудь занимается боксом? – спросил я Алену.

– Игорь, – ответила она, вдруг покраснела и добавила: – самый красивый парень.

После ужина я устроился на лавке у крыльца и наблюдал за ребятами. Несколько человек играли в пятнашки и визжали как школьники на большой перемене – они еще не вполне осознали себя студентами.

Ко мне подошел грузный парень в холщевой рубашке, подпоясанный веревочкой, и, церемонно наклонив, голову представился:

– Брюквин Алексей Петрович.

Я подумал, что это какой-то местный чиновник, типа счетовода, и пожал его пухленькую ладошку. Но оказалось, это тоже студент. Он сообщил, что отслужил в армии и со второго раза поступил в университет. Есть люди, которые сразу вызывают антипатию, даже если они служили в армии.

К нам подошла Алена и с ненавистью посмотрела на парня.

– Это наш завхоз, – с насмешкой произнесла она, – противный, правда?

Завхоз промолчал, явно чтобы не связываться с Аленой. Видимо вражда у них давняя.

Мне почему-то вспомнился Бернард Шоу, который говорил: «Когда мне подают на завтрак яйцо, то вовсе не обязательно съесть его целиком, чтобы узнать, что оно тухлое».

Из-за школы вышли несколько здоровых ребят, как оказалось тоже студенты. Весной они демобилизовались из Советской армии и поступили в университет. Серьезные, накачанные парни работали на уборке картофеля грузчиками. И зарабатывали они в три раза больше, чем подборщики.

Бригадир грузчиков высокий красивый парень Игорь оказался боксером – кандидатом в мастера спорта и чемпионом военного округа в полутяжелом весе. Но известию о привезенных мной боксерских перчатках, почему-то не обрадовался. Игорь признался, что решил окончательно бросить выступления на ринге.

– Теперь все усилия на учебу, и так два года потерял. Мне еще в армии тренер говорил: «Ты должен жестко бить, а не играть с противником как сытая кошка с мышкой. Настоящий боксер из тебя никогда не получится!» – признался Игорь.

– А каким спортом будешь заниматься? На нашем факультете три года обязательных занятий физкультурой и спортом. И надо получать зачет, а то к сессии не допустят.

– Займусь легкой атлетикой, – усмехнулся Игорь.

Я рассказал парню, что в соревнованиях по боксу на первенство университета сборная геологов уже несколько лет подряд занимает первое командное место. И сейчас в нашей команде как раз не хватает полутяжа.

– Я не хочу выступать, – упрямо заявил Игорь.

– А надо, в команде каждый человек на счету. Для зачета на соревнования приходят ребята легковесы, которые боксом вообще не занимаются.

– И как же они боксируют?

– На первенстве в легких весовых категориях заявляются не больше двух – трех человек. И даже проигравшие бой ребята в командном зачете приносят очки.

Мне вдруг вспомнилось, что когда я первокурсником выступал на первенстве университета по боксу, первые командные места занимали юристы. Они имели несколько отличных боксёров разрядников в тяжелой и полутяжелой весовых категориях. А для того чтобы наверняка

обеспечить еще и командное первенство, юристы приводили для зачета ребят, которые боксом не занимались, но очки в командном зачете получали, даже если не выходили на ринг. Поэтому в легких весовых категориях юристы стабильно получали первые места, выставляя таких «липовых» боксёров, так как другие факультеты боксёров-легковесов не имели. И ребята юристы, не имеющие к боксу ни малейшего отношения, автоматически получали награды и становились чемпионами ЛГУ.

В наилегчайшей весовой категории юристы заявляли одного парня, взглянув на которого можно было сразу угадать, что если он и занимался спортом, то наверняка шашками. Когда перед соревнованиями парень взвешивался, то своим видом напоминал человека в крайней степени дистрофического истощения: ключицы торчали у него как ручки сидений в автобусе, а взгляд выражал панический ужас. Он опасливо рассматривал боксёров-легковесов, прикидывая, не окажется ли в этот раз кто-нибудь из них в его весовой категории. Один раз ему повезло – его объявили чемпионом ЛГУ, наградили почетной грамотой и значком, на планке которого было написано «Чемпион», а под ней на колечке висел маленький голубой ромбик с изображением двух букв Л и У.

Мы решили, что с засильем юристов пора кончать и уговорили выступить на первенстве ЛГУ в наилегчайшем весе Володю Семушина из нашей группы радиоактивщиков. Володя имел первый разряд по гимнастике и отличную крепкую фигуру. Поначалу Семушин категорически отказался, но я заверил, что драться ему не придется. А если юристы снова приведут того парня, то он наверняка струсит и Володя получит грамоту и значок «чемпион ЛГУ». В конце концов, Володя

согласился, и мы привели его в секцию. Юрист легковес категорически отказался взвешиваться, как только узнал, что у него появился соперник. В раздевалке юристы всей командой навалились на парня и уговаривали его выступить. Они обещали в первом раунде сразу выбросить полотенце, что означало отказ секундантов от продолжения боя из-за угрозы здоровья их боксеру. Юристы почти добились положительного результата, и парень согласился. Но тут я привел в раздевалку Володю Семушина. Обнаженный по пояс Володя продемонстрировал всем свою отлично развитую мускулатуру гимнаста.

«Вон твой противник сидит, – я указал Семушину на хилого юриста, у которого от страха округлились глаза, – полюбуйся, пока живой».

Напуганный парень немедленно выскочил из раздевалки.

Я решил обязательно уговорить Игоря выступить за команду геологов на первенстве университета по боксу.

К вечеру во дворе школы на столбах зажгись фонари, под которыми тучами роилась мошкара. Заиграла танцевальная музыка, кто-то из студентов привез старенький переносный катушечный магнитофон. На утоптанной, словно асфальт площадке начинались танцы. Поперечно-полосатая Лена, грациозно подняв кверху обнаженные руки, одна кружилась в танце в центре площадки. Постепенно и другие ребята стали танцевать.

Только грузчики о чем-то горячо спорили друг с другом, и по их возбужденным голосам, я догадался, что они уже приняли на грудь, по крайней мере, по бутылке вина. Наверное, следовало сразу зачитать приказ ректора об отчислении студентов из сельхозотрядов за пьянку. Но

пока ничего страшного не произошло и приказ можно зачитать утром за завтраком.

Вдруг, на танцплощадке появилась целая ватага местных ребят. Сильно пьяные, они вели себя вызывающе и громко ругались. За три года работы в автопарке я не слышал более мерзкого мата. По сравнению с местными наши автослесари смотрелись бы как рафинированные интеллигенты. По степени опьянения и агрессивности местные ребята находились уже на второй стадии, непосредственно предшествующей мордобитию, когда в беседе преобладает угрожающий вопрос: «Что я тебе плохого сделал?»

Магнитофон замолчал. Ребята перестали танцевать, а девушки направились в помещение школы. И тут местные загородили им дорогу. Я бросился на выручку.

– А ты кто такой? – курчавый брюнет с необычным квадратным лицом дохнул на меня сивушным перегаром. – Сейчас урою! – И он поднял над моей головой широкую как лопата ладонь с растопыренными пальцами.

Эх, как хотелось отвесить добрый хук этому квадратнолицему нахалу – слева в челюсть. В другой обстановке я, скорее всего, именно так и поступил бы. Но тут, в день приезда в колхоз устроить драку, и с треском вылететь из университета. И еще, не дай Бог, в горячке кому-нибудь что-нибудь повредить или сломать, тогда еще и судебные разбирательства. Они, квадратнолицые, только с виду крепкие, а чуть дотронешься и сразу перелом!

«Между прочим, тот руководитель, которого выгнали, продержался две недели, – заметил внутренний голос, – а ты вылетишь в первый день. И как потом будешь смотреть в глаза Василию Ильичу? А еще «настоящий комсомолец!»

– Я преподаватель, и прошу Вас не ругаться, и не приставать к студентам, – культурно предупредил я.

Но внутри у меня все кипело, и кулаки просто чесались. Казалось, драка неминуема! И тут Алена влепила какому-то настойчивому парню смачную пощечину. Мой организм воспринял это как сигнал «к бою!» и рука среагировала автоматически. Только благодаря природной реакции удалось остановить уже летящий к цели кулак. А это все равно, что мгновенно остановить в воздухе артиллерийский снаряд, вылетевший из ствола гаубицы со сверхзвуковой скоростью.

Неожиданно подбежали грузчики и встали стенкой по бокам от меня, заслоняя местным парням вход в школу. К моему удивлению пьяные ребята сразу протрезвели до первой стадии опьянения, которая обычно сопровождается вопросом: «Ты меня уважаешь?» Они потеряли агрессивность и стали брататься со студентами. Тут я понял, что наши грузчики отлично знают гостей, так как вместе работают в поле.

Обстановка немного разрядилась, девушки ушли в школу и у крыльца остались местные ребята и грузчики. Но их братание стало принимать опасную форму. В руках местных ребят появились бутылки с мутноватым самогоном, который они сами хлестали из горлышка и угощали грузчиков. Вновь послышался угрожающий вопрос: «Что я тебе плохого сделал?»

Я отозвал в сторону бригадира и рассказал ему о приказе отчислять студентов сельхозотрядов из университета за пьянку и драку, и попросил удержать ребят хотя бы от мордобоя.

– Командир, все будет в порядке, даю слово! – пообещал Игорь.

Грузчики не подвели и спустили ситуацию на тормозах. Еще полчаса местные ребята требовали продолжения танцев, потом нехотя разошлись.

Студенты тоже утихомирились, и только в комнате девочек кто-то тихо играл на гитаре и пел.

Утром я представился бригадиру совхоза и спросил, что мне надо делать.

– Студенты работают плохо спустя рукава и выполняют лишь половину нормы в день. В настоящий момент убрано 11 гектаров – одна треть от плана, а проработали уже половину месяца.

– Как, у них разве есть план?

Мне казалось, что студенты помогают колхозу по мере сил до начала учебы.

– У нас плановое хозяйство! Вам надо убрать тридцать гектаров.

– И что же будет, если они до конца месяца план не выполнят?

– Останутся еще на месяц, куда торопиться, снег не скоро ляжет. Да и на свежем воздухе жить полезнее, – усмехнулся бригадир. – Ребята в среднем выполняют половину дневной нормы и собирают по десять-двенадцать ящиков, а надо по двадцать пять. Только одна ваша Алена стабильно выполняет две-три нормы в день. Я уже несколько раз уговаривал ее бросить геологию и идти работать в совхоз. Обещал высокую зарплату, почет, награды и еще построить отдельный каменный дом – коттедж.

– И что Алена?

– Не соглашается.

Перспектива остаться работать в совхозе до октября меня не обрадовала. Действительно, ходили слухи, что в прошлом году один университетский сельхозотряд вернули в совхоз из-за невыполнения плана.

– Так я помогу, вместе с ними встану на борозду, – предложил я.

– На поле от тебя помощь небольшая, – возразил бригадир, – ты студентов организуй, чтобы лучше работали, да за их бытом следи!

– Хорошенький быт. Вчера местные ребята пришли к нам в школу в стельку пьяные, сплошной мат-перемат!

– Что поделать, – бригадир смущенно развел руками, – деревня! Кстати, я получил по рации сообщение, что тебе в помощь из университета направили еще одного руководителя.

Получив наряд на работу, я отвел студентов на поле и расставил их на гряды. Прицепной картофелекопатель уже выкопал клубни, отделил их от почвы и уложил на поверхность поля для последующей уборки. Задача студентов заключалась в сборе картофеля в деревянные ящики. Грузчики укладывали ящики в кузов прицепа и отвозили в овощехранилище. По причине засушливого лета картофель не уродился, и редкие клубни на борозде приходилось выискивать. Студенты действительно работали вяло, и только одна Алена быстро ушла по своей борозде вперед, оставляя за собой вереницу ящиков с собранным картофелем.

Мне досталась роль учетчика – ходить и записывать, сколько ящиков собрал каждый студент. На поле работало шестьдесят студентов и приходилось бегать, чтобы успеть фиксировать количество ящиков до того, как грузчики их соберут. А потом сверить мои данные с количеством ящиков сданных в овощехранилище и закрыть наряды на работу каждого студента.

В обеденный перерыв трактор привез бидон с молоком и большую кастрюлю с отварным картофелем, которые, по договору с университетом, совхоз обязался бесплатно поставлять студентам. Этим ловко пользовался наш завхоз. Он нарочно заказывал больше молока и картошки, чем

студенты могли съесть, а излишки обменивал у колхозников на другие продукты. Быть может, так и надо делать, кто знает. Деньги за остальные продукты, из которых готовили обеды в столовой, удерживались из общего заработка.

На другой день я отправился в соседний поселок в управление совхоза, отметил командировку и, главное, позвонил домой. К вечеру из Ленинграда приехал еще один сотрудник нашего института, срочно отозванный из экспедиции. Валера окончил университет несколько лет назад и уже имел опыт руководства сельхозотрядами.

– Ты зря согласился работать учетчиком, – заметил он, – ходить и записывать, сколько ящиков собрал каждый студент, это не наше дело. А бригадир за эту работу все равно ничего не заплатит, так как официально мы получаем здесь командировочные.

– Я просто хотел помочь ребятам, так, без денег.

– Без денег мы и так останемся, – Валера достал из рюкзака немецкую портативную пишущую машинку. О такой, в те годы, я мог лишь мечтать.

– А почему без денег? Сам же сказал, что нам здесь должны платить командировочные.

– По совершенно нелепому бюрократическому правилу командировочные в сельской местности в два раза меньше, чем в городе и составляют один рубль тридцать копеек в сутки. Чисто бюрократическое свинство. Как будто в сельских магазинах продукты дешевле.

– И что же тогда что я должен делать? – не понял я.

– Наша задача организовать студенческий быт и следить за порядком в поле. А я лично должен закончить научную статью по гранитному магматизму Северного Казахстана и первого октября сдать ее в редакцию.

Валера пристроился за столиком у окна и застучал по клавишам пишущей машинки.

У меня еще не было опубликовано ни одной научной статьи. Но я твердо знал – они будут!

Чтобы не мешать творческому процессу я вышел во двор. Магнитофон извергал какой-то печальный блюз, а в центре площадки опять кружилась поперечно-полосатая Лена. Постепенно начались танцы.

И тут повторилась вчерашняя сцена с местными ребятами. Только сегодня они были настроены решительнее. Снова послышался мат и звук оплеухи «от Алены», которая действовала решительно по пролетарски. Прибежали грузчики и загородили вход в школу, но в этот раз местных ребят с трудом удавалось сдерживать. Они возмущались, почему их не пускают в школу к девочкам. Особенно злился Квадратнолицый и кричал, что раньше учился в этой школе, как будто это давало ему право на беспрепятственный вход. Я пока не вмешивался в ситуацию, не надеясь на свою выдержку. Но и грузчики были, явно «тепленькими», и тоже могли не сдержаться.

И тут на сцене появился Валера. Он смело бросился в толпу и вдруг стал называть местных ребят по именам. Как оказалось, он уже руководил отрядом студентов в этом совхозе в прошлом году. Ситуация на удивлении быстро разрядилась. Местные ребята собрались вокруг Валеры и жаловались ему, показывая то на меня, то на грузчиков.

– Я разберусь, – пообещал им Валера с видом генерала, проводящего инспекторскую проверку.

Местные тихо разошлись.

– Вы, бугаи, вечно стремитесь к силовым конфликтам, – совершенно неуважительно по отношению ко мне заявил Валера в учительской.

– А вы, мелкие, склонны к интригам, – не выдержал я.

Обменявшись колкостями и недовольные друг другом легли спать.

На другой день рано утром, когда студенты еще выползли к умывальникам, Валера пригласил меня сходить к бригадиру.

– Вчера ваши ребята пришли к нам в школу на танцы пьяные, ругались матом, приставали к студенткам и провоцировали драку. А у меня копия приказа ректора об отчислении студентов сельскохозяйственных отрядов за факт пьянки или драки. Ребята только поступили в университет и их сразу отчислят. Представляете, каково будет им и их родителям?

– А я здесь причем? – попытался увильнуть от разговора бригадир.

– Мы приехали вам помогать, а вы не можете обеспечить студентам нормальные условия проживания.

– Так ваши студенты плохо работают, – бригадир собрался перевести разговор на другое.

Но Валеру не просто сбить с намеченной темы.

– Студенты не выйдут на работу, пока сюда не приедет начальник отделения милиции и парторг совхоза, – заявил он вполне решительно, – и не гарантируют нам порядок и спокойный отдых.

– Это что, забастовка? – возмутился бригадир, – Никого я не буду вызывать!

– Тогда я напишу докладную записку в райком партии, – пригрозил Валера – и вы будете отвечать.

– Валера, давай по-хорошему договоримся, – предложил бригадир, – я сам поговорю с ребятами.

– Проку от этого опять не будет. Случится драка, и мы должны писать на студентов докладную записку об отчислении. А это не справедливо. Вызывайте начальство. Я не отступлюсь, вы меня знаете.

Бригадир вздохнул и включил радиостанцию. Связь с правлением совхоза почему-то осуществлялась по радиотелефону.

Буквально через полчаса у крыльца дома тормознул УАЗик. Первым из машины вылез старший лейтенант начальник милиции – бравый усатый молодец лет тридцати, за ним парторг обычный с виду пожилой крестьянин в просторной толстовке.

Валера изложил начальству наши требования.

– Где твои трактористы? – взревел старший лейтенант.

– Сейчас подойдут, – стусевался бригадир.

Местные ребята пришли явно напуганные. Нас попросили подождать на крыльце окончания разговора. Мы слышали, как старлей кричал на трактористов:

– Что, в зону захотели? На вас висит действующий приговор по два года условно за драку, или забыли? Так я вам устрою танцы. Чтобы к школе за километр не подходили.

Трактористы скромно промолчали и ушли притихшие.

– Порядок гарантируем, – объявил нам парторг.

Начальство захотело познакомиться с бытом студентов. Ребята пожаловались на отсутствие смены постельного белья, его выдали лишь в момент приезда.

– Белье менять раз в неделю! – приказал бригадиру парторг.

– А где я стирать буду? – заныл бригадир. – Кто обещал открыть прачечную в усадьбе совхоза?

– Ладно, по четвергам будем присылать машину, и отвозить белье в Лугу в городскую прачечную.

– И в баню хотим! – закричали грузчики, – В армии у нас баня раз в неделю была. А тут холодный душ на улице. А девочкам какво?

– Баня будет уже завтра, – объявил бригадир, – печник сегодня каменку перебрал.

Начальство уехало. Вечером снова пришли местные ребята и опять пьяные, но умеренно. Больше они не ругались и вели себя скромно. Могут ведь, если захотят. Ребята танцевали до самой ночи. Но, в конце концов, местные ребята опять нахлебались мутного самогона, и наши грузчики были явно «на стакане». И чуть не вспыхнула драка, но Валера умело погасил искры агрессии. На другой день он серьезно поговорил с протрезвевшими местными ребятами и предупредил их, что спустил им в последний раз. Я уже понял, что Валерий по всем статьям опытнее меня и охотно ему подчинялся.

Как-то вечером, когда Валера работал над своей статьей, я взял у ребят гитару и стал тихо напевать геологические песни. Валера прекратил работу и потребовал, чтобы я пел громче. Тут в дверь учительской постучала Алена и попросила меня выйти и спеть у вечернего костра, для которого на краю школьного двора оборудовали специальное место. Теперь вместо танцев студенты допоздна сидели у костра и распевали песни. Тем более, что на гитарах играли и пели сразу несколько ребят и девиц.

По утрам вместе с нашими грузчиками я делал зарядку. Красивые и мужественные парни с уважением называли меня командир. И по существу верно – я только что получил звание лейтенанта запаса, а ребята отслужили сержантами. Один парень, бывший десантник, показал нам элементы рукопашного боя.

После зарядки я проводил с Игорем легкие игровые спарринги. Мы оба боксировали в полутяжелом весе, но Игорь превосходил меня ростом. У парня была высокая красивая стойка, и во время боя он как бы нависал над противником. Его длинные ноги работали мягко словно амортизаторы, совершенно не сгибаясь в коленях. При

этом Игорь владел мощной «двоечкой» – два прямых удара резких и слитных как дуплет. Они с невероятной скоростью вылетали навстречу противнику. Он неожиданно проводил их либо в голову, либо в корпус. Меня спасала только отличная реакция, и я получал лишь касания от перчаток на самом излете. А может, это Игорь, жалея мое самолюбие, удивительно точно выбирал расстояние.

Первые несколько раундов я даже не знал, как к нему подступиться и опаздывал сделать нырок под удар. Но потом, интуитивно определив момент начала двух или четырехударной серии, делал подсед и, пока над головой пролетали удары, успевал приблизиться к противнику.

По стилю боксирования Игорь был типичный аутфайтер – боец, предпочитающий работать на дистанции быстрыми длинными джебами. Аутфайтеры обладают высокой скоростью удара, отличной реакцией и хорошо двигаются на ногах. Обычно они выигрывают по очкам, но могут и нокаутировать. Бойцом этого стиля был Мохаммед Али.

В ближнем бою Игорь работал слабовато и, защищаясь, плохо делал внутренние и внешние накладки – блокировку рук противника в локтевых суставах. А это очень важно для боксера его стиля. Я рассказал ему, как на Центральных соревнованиях по боксу спортивного общества Буревестник в четвертьфинале в полутяжелом весе встретились перворазрядник – аспирант Ленинградского горного института и мастер спорта офицер из ЛВИМУ – ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала Макарова. По стилю боя моряк относился к боксерам-панчерам, предпочитающим среднюю дистанцию и стремящихся во что бы то ни стало нокаутировать соперника одним мощным ударом или серией. Он одержал сто двадцать

побед в ста тридцати боях. Моряк яростно бил с обеих рук мощными нокаутирующими свингами, хуками и апперкотами, способными повалить носорога. Горняк держался как гвардеец. Цель его была одна выжить и обеспечить очко команде Горного института. Не обладая сильным ударом и, уступая своему противнику по всем статьям, он не потерял мужества и не струсил. Горняк удачно уклонялся и блокировал удары соперника внутренними и внешними накладками на локтевые суставы, гася их нокаутирующую силу. Он проиграл по очкам, но противник так и не смог его избить.

В целом, Игорь был типичный боксер любитель классической советской школы. Мы с ним сходились во мнении, что будущее за игровым боксом без жестких, на грани смерти, нокаутирующих ударов. Конечно, бокс от этого в чем-то проиграет, а в чем-то выиграет. Когда фехтование стало игровым видом спорта, то, несомненно, изменился и стиль боя. А для зрителей вовсе не обязательно, чтобы спортсмены насквозь протыкали друг друга рапирами, или по-настоящему, в кровь рубились на саблях. В боксе тоже достаточно будет лишь зафиксировать удар, разместив на шлеме боксера чувствительны датчики, срабатывающие даже от небольшого прикосновения.

Несколько ребят занимались самбо, и они часто заводили спор о том, кто кого одолеет в поединке, боксер самбиста или наоборот. Конечно, они утверждали, что победит самбист или каратист. Но практически доказать это в спарринге с Игорем или со мной не решались, ссылаясь на разницу в весовой категории.

А через несколько лет в Токио состоялся поединок между абсолютным чемпионом мира Мохаммедом Али с обладателем черного пояса по карате, борцом и

кикбоксером Антонио Иноки. Этот бой, который многие называли фарсом, проходил по особым правилам. Али выступал в перчатках по правилам бокса. Иноки, вышедший на ринг без перчаток, не мог бить руками и проводить броски. В итоге большую часть поединка японец провел лежа на спине, пытаясь сбить соперника ногами и перевести бой в партер. Али ходил вокруг противника, призывая его встать, а японец подползал к нему лежа как змея. По истечении 15 раундов боя судьи решили, что он закончился ничьей.

Спор о том, кто кого победит, наверное, заложен в мальчишках с рождения. Мне вспомнилось, как в детстве ребята во дворе спорили – кто победит в поединке танк или самолет. А мне родители как раз подарили игрушечный танк. Внутри у него под башней размещались колесико и кремень как у зажигалки. При движении танка колесико вращалось и из под ствола пушки вылетали искры, как будто строчил пулемет. Соседскому мальчишке Славке подарили игрушечный самолет, у которого от заводного механизма вращался пропеллер. И мы решили устроить бой в коридоре между моим танком и славкиным самолетом. Игрушки сошлись в смертельной схватке. Мой танк уперся в шасси самолета и строчил искрами не переставая, пока не кончился механический завод. А самолет лупил его сверху пропеллером. В результате боя мой танк сломался, а у самолета отлетел пропеллер. Ребята единогласно решили, что это боевая ничья, но нам со Славкой досталось от родителей за испорченные игрушки.

Работа студентов на полях улучшалась не так быстро, как нам хотелось. Поэтому каждое утро за завтраком мы с Валерой проводили беседы, направленные на повышение производительности труда. В один день студенты убрали два гектара.

– Молодцы, – похвалил ребят бригадир, – так, глядишь, к середине октября и управитесь.

Валера как-то не очень переживал за работу студентов и увлеченно писал свою статью. Однажды вечером он дал мне прочитать написанное. В целом статья больше походила на отрывок производственного отчета, чем на научную работу. Приводился большой набор аналитических данных по нескольким массивам гранитов, без существенных выводов и обобщений. Я высказал свои замечания, и Валерий сразу обиделся.

Впереди предстоял выходной день. Валерий стал намекать, чтобы я остался со студентами, а ему надо отлучиться в город. У меня были другие планы. Накануне я случайно услышал по радиоприемнику прогноз погоды – на следующей неделе синоптики ожидали дожди и грозы. И тогда вся пыль превратится в непролазную грязь. А ребятам оставалось убрать семь гектаров. И тут у меня родилась мысль – сделать все за один день. Валерий не оценил моего стахановского предложения и встретил его насмешками. Но я обосновал необходимость такого рабочего прорыва ссылками на погоду и большой задолженностью по плану уборки.

– Хорошо, завтра посоветуемся с бригадиром. Чтобы убрать семь гектаров за один день, нужна четкая синхронизация работы с комбайнерами, тракторами и бункерами хранения.

Бригадир искренне смеялся над моим планом и на все попытки объяснить его сущность и детали, только отмахивался. Стало обидно до слез. И я выдвинул самые веские аргументы.

– На следующей неделе синоптики прогнозируют ухудшение погоды – из Скандинавии идет мощный циклон. Обещают декаду сплошных дождей. И Вы будете задаром кормить картошкой семьдесят студентов.

– Так за десять дней эта орава сожрет всю картошку, которую собрали, – сообразил бригадир, – но семь гектаров за один день Вам не убрать.

– Вы сможете обеспечить нашу ударную работу комбайнами и тракторами? – насели мы на бригадир.

– Кто откажется выполнить план до срока. Это в моих интересах, техникой я обеспечу, а в вас сомневаюсь.

– Нашу работу мы выполним! – гордо заявил я.

– Если уберете семь гектаров за один день, выдам премию – два ящика водки и закуску на всех, – объявил бригадир, – или возьмите деньгами, как хотите.

У нас появился существенный аргумент для беседы с ребятами.

Вечером на собрании мы изложили ребятам стахановский план, рассказали о грядущей плохой погоде и упомянули о премии. Известие о премии в виде двух ящиков водки ребята встретили троекратным ура. Но девушки этому явно не обрадовались. Большинство восприняло план с энтузиазмом, но многие сомневались. Ребята предложили голосовать.

– Никакой демократии, – заявил я, – решение должно быть принято единогласно. Иначе эта затея просто теряет всякий смысл. Одни идут в атаку, другие нет. Если половина будет работать в полную силу, а несогласные спустя рукава, то раньше мы не закончим.

– В случае победы уедем домой на два дня раньше срока, и вы сможете отдохнуть перед началом занятий. В противном случае будем сидеть здесь под дождем неизвестно сколько и потом работать в грязи, – подвел итог Валера.

– Все согласны, – закричали грузчики, – договаривайтесь с бригадиром.

– Вам что, набросилась на них Алена, грузить ящики ума много не надо, а большую часть времени у вас перекур.

– В перерывах между погрузками мы тоже будем собирать картошку и сделаем по две нормы на человека, покажем вам, как надо работать, – заявил Игорь.

– Вот, теперь, чтобы убедиться в общем согласии, давайте голосовать, – объявил Валера, – кто против? Единогласно!

Студентки ушли на свою половину совещаться, и вскоре к нам в учительскую пришла делегация из трех девиц. В дверях учительской столпились ребята их послушать.

– Какая нам радость от этой дурацкой водки? – заявила Алена. – Ребята молодые напьются до беспамятства ни потанцевать, ни попеть. Если брать премию, то деньгами, и купить немного хорошего вина и конфет. И устроить прощальный вечер.

Ребята сразу возмутились и потребовали голосования в надежде победить девиц числом.

– Никакого голосования не будет, – объявил я, – бригадир предложил, и наше решение должно быть единогласным. Даже если один человек будет против, то прощальный вечер не состоится. Если кто из начальства узнает, что руководители согласились участвовать в коллективной пьянке со студентами, то мы вылетим из университета со сверхзвуковой скоростью, то есть, «опережая собственный визг». Так что решайте, и без стукачества.

Студенты удалились и долго спорили. Потом грузчики рассказали, как Алена сходила к Брюквину и объявила ему, что он единственный из всех способен на донос и если в университете узнают и преподавателей выгонят, то она

возьмет грех на душу и утопит его в дерьме собственными руками. Брюквин знал, что Алена слов на ветер не бросает, но демонстративно обиделся. Он пришел к нам и заявил, что все напрасно плохо о нем думают, он первый за отвальную в любом виде и обязуется достать на праздник несколько кроликов.

Нас с Валерой вызвали на улицу и студенты официально попросили устроить праздничный вечер и обещали, что все будет в порядке.

– Вы не забывайте, что премию еще надо заработать, – напомнил я, – ваш рекорд пока два гектара в день, а завтра надо сделать семь.

Но студенты воспринимали ситуацию, как уже решенную и их волновала только проблема вечера.

– Мы хотим купить немного хорошего вина и конфет, – объявили они, попросите у бригадира премию заранее деньгами.

– Тогда давайте ещё купим призы для того, кто завтра больше всех уберет картошки, – предложил Валера.

– И призы тем, кто будет второй и третий, – добавили девчонки.

– И утешительный приз тому, кто будет последним! – выкрикнул щуплый и всегда веселый Лешка, первый кандидат на такую награду.

Все засмеялись.

Но вечером к нам в учительскую снова заявила Алена.

– Учтите, если завтра Брюквин не выйдет в поле вместе со всеми и не встанет на борозду, то я не выпущу девчонок из барака, – заявила Алена.

Мы с трудом уговорили девушку оставить завхоза в покое. Помощь от него на поле будет минимальная, а готовить прощальный вечер тоже немало хлопот.

Вечером я договорился с бригадиром трактористов квадратнолицым Степаном, что его ребята выйдут на работу завтра на час раньше и картофелекопателями подготовят нам борозды на полях.

Я разбудил ребят, когда в чистом утреннем небе еще не погасли звезды. Быстро позавтракали и вышли на поле на час раньше. Утренний воздух оказался весьма прохладным, и я забеспокоился, как бы ребята не простудились. Но они заверили меня, что согреются от работы.

Механизаторы не подвели и нагнали борозды. Наши грузчики постарались вместе с трактористами и вдоль борозд расставили деревянные ящики для картошки. Сами грузчики уже всю убирали картошку, как и обещали.

– Ребята, к обеду мы должны убрать не менее трех гектаров, – объявил Валера.

Солнечные лучи брызнули из-за горизонта, когда на поле уже кипела работа. Мы с Валерой тоже взяли по борозде, но угнаться за ребятами не смогли, так как оба страдали радикулитом. Сказывались экспедиционные ночевки на холодной земле. А я приобрел пояснично-крестцовый радикулит еще в юности, когда работал в автопарке и зимой ремонтировал машины, лежа прямо на снегу. Валеру заклинило первым и он, согнувшись крючком, отошел на край поля. Через полчаса и я составил ему компанию.

Мы хотели записать собранные нами ящики с картошкой на счет Алены, но она категорически отказалась.

– У меня и так хватит, лучше отдайте их тому, кто меньше всех заработает.

К обеденному перерыву ребята убрали три с половиной гектара. Это уже был рекорд.

– Михалыч! – крикнул мне квадратнолицый Степан, высовываясь из кабины трактора. – Так держать, не подведите. Я на Вашу победу поставил бутылку водки.

– Не подведем, – пообещал я, – а вы тоже сделайте ребятам подарок – обойдитесь сегодня на вечер без сквернословия. Неужели самим не надоело, что девчонки шарахаются от вашего мата и перегара. Хоть бы раз цветы им подарили.

– Командир, обещаю! – Степан даже вскинул ладонь под козырек грязной кепки.

«Ну, вот, а ты хотел такого хорошего парня по лицу ударить», – заметил внутренний голос.

На поле привезли бидон с молоком и большую алюминиевую кастрюлю с вареной картошкой. Ребята наспех перекусили.

В конце рабочего дня оставалось убрать еще целый гектар, а ребята уже сильно устали. Но на наше счастье сломались обе картофелекопалки и бригадир разрешил закончить работу и простил нам гектар.

В школьном дворе дежурные поварихи накрыли столы, которые украшали блюда с несколькими поджаренными до румяной корочки тушками кроликов. Брюквин купил несколько бутылок вина и подарки победителям.

Позже всех с поля вернулись грузчики, которым пришлось сдавать картошку в хранилище. По тому, как блестели их глаза, нетрудно было догадаться, что они уже «остаканились» на поле вместе с трактористами.

Конечно, главный приз дня достался Алене, которая собрала сто двенадцать ящиков – четыре с половиной нормы. Ей подарили большого плюшевого медведя. На втором месте вдруг оказался парень, больше всех отрицавший возможность уборки семи гектаров за один день. Он собрал восемьдесят шесть ящиков. Третье место

досталось поперечно-полосатой Лене. Природа щедро наградила эту девушку красотой, умом, ловкостью в любых делах и артистическими способностями – она великолепно играла на гитаре и задушевно пела лирические песни.

Многие ребята тоже выполнили по три нормы. Меньше всех собрал картошки щуплый, и никогда не унывающий Лешка. Он получил утешительный приз – деревянную флейту. Прижимистый завхоз купил ее в сельском промтоварном магазине из-за сильной уценки – никто не покупал ее уже несколько лет.

– Это тебе утешительный приз, – Лена протянула Лешке флейту, – будешь на ней играть.

– А местные крысы соберутся и, загипнотизированные музыкой, будут убирать за тобой картошку, – крикнул кто-то из ребят.

Все засмеялись.

Лешка тряхнул кудлатой головой, взял в руки флейту, облизнул губы и вдруг заиграл «Песню Сольвейг» Эдварда Грига из драмы Ибсена «Пер Гюнт». Чистый и пронзительно грустный звук флейты потряс всех до глубины души. У меня на коже появились мурашки. Ребята молча прослушали до конца волшебную мелодию.

– Тебе не надо убирать картошку, – со слезами на глазах вдруг заявила чувствительная Алена, – лучше я буду за тебя работать, а ты играй на флейте.

Оказалось, что нескладный с виду Лешка умеет играть и на скрипке и на пианино. Родители мечтали о его поступлении в консерваторию, а он пошел в геологию.

Мне казалось, что Алексей с его музыкальными талантами недолго продержится в геологии. Многие выпускники геологического факультета ленинградского университета стали известными писателями, поэтами, художниками, музыкантами, композиторами и певцами, а

один даже проповедовал какую-то религию в Канаде. Через несколько лет я случайно встретил Алексея в одной из поисково-съёмочных партий. Все такой же кудлатый, смешливый и не унывающий он не предал Мать Геологию и работал начальником отряда.

– Мы с Анатолием Михайловичем тоже хотим присоединиться к утешительному призу, – объявил Валера, – и записали на Алексея, собранные нами ящики картошки.

После обеда появились местные ребята в костюмах, белых рубашках и галстуках. Они были тщательно выбриты, и вместо сивушного перегара от них за версту разило одеколоном. В руках трактористы несли охапки цветов, астры, герберы и даже георгины. Подозреваю, что они обрезали все палисадники в деревне. Но наши девочки были в восторге.

Степан подошел к нам с Валерой и торжественно достал из кармана пиджака бутылку водки.

«И не такое уж у него квадратное лицо», – заметил мой внутренний голос.

Грузчики встали в круг, положив руки, друг другу на плечи, и по очереди кто-то из них выкрикивал:

– Один за всех!

– Все за одного! – кричали ребята, воображая себя мушкетерами и друзьями на век.

Мысленно я пожелал им, чтобы именно с таким девизом они прожили всю жизнь.

Вечер удался на славу. Были танцы и песни у костра. В конце пришел бригадир попрощаться.

– Ну, что, надумала, остаешься? – спросил он Алену.

– Нет, я буду геологиня! Только послушайте, как красиво звучит, почти как богиня! Геологи – самые честные и справедливые люди на Земле! – заявила она.

– Петр Степанович, – обратился Валера к бригадиру, – посмотрите, сколько цветов ваши ребята подарили нашим девушкам!

– Вижу, они и у меня весь палисадник обрезали. Не жалко, цветы они для чего нужны? Чтобы любовь дарить людям!

– Вам не жалко, а завтра утром к нам придут колхозники и скажут, что студенты обокрали их палисадники?

Мне и в голову не пришел такой вариант развития событий, а Валера, как шахматист предусмотрел все на несколько ходов вперед!

– Мудрый ты, Валера, я даже об этом и не подумал, – смутился бригадир, – ничего, сегодня же всех сельчан обзвоню по внутреннему телефону и успокою.

Бригадир пообещал завтра с утра рассчитать сразу весь сельхозотряд, а деньги мы должны будем распределить по нарядам и выдать студентам. После обеда три автобуса отвезут нас в Ордеж.

Ко мне в гости пришли знакомые местные собаки, которых я подкармливал все это время. Они скромно выглядывали из-за штaketника, и только маленькая Соня нетерпеливо тявкнула, словно хотела поторопить: «Ну, где ты там, долго нам еще ждать?» В тот вечер им достались отличные кроличьи косточки, заранее собранные со стола. На прощанье собаки дали мне подержать их лапы.

Танцы уже заканчивались, когда стал потихоньку накрапывать дождик и вдруг хлынул настоящий ливень. Студенты пришли в восторг и заорали как ненормальные. Они прыгали под фонарем в дождевых струях и радостно смеялись.

– Повезло нам с погодой, успели, – усмехнулся Валера.

– Как говорят в Китае: «Хорошим людям и небо помогает», – скромно заметил я.